

ВРЕДНАЯ ШТУКА

Источник: Пантелеймон Романов; Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

Около шалаша в бывшем помещичьем саду сидели мужики, арендаторы нынешнего урожая, и варили себе кашу с салом в закопченном котелке, висевшем в ямке над огоньком.

-- Новым хозяевам мое почтение! -- сказал проходивший по дороге мужичок с палочкой, останавливаясь и снимая лохматую шапку.

Все тоже сняли шапки.

-- Что, в собственность к вам отошел? -- спросил прохожий, кивнув головой на сад и садясь на перевернутый яблочный ящик.

-- Нет, в аренду взяли,-- отвечал мужичок, набивавший трубочку.

-- Собственность эту теперь прикончили,-- сказал другой, сидя на корточках перед котелком с ложкой наготове, чтобы снять накипающую пену, когда начнет уходить через край.

-- Довольно, побаловались. Вишь, черти, огородились. Бывало, только ходишь да поглядываешь на него, на сад-то. Сторожей сколько нагнато было. Все боялись, как бы кто яблочком не попользовался. А то они обеднеют от этого.

-- Жадность. Не хочется из рук соринки одной упустить.

-- Да, держались крепко,-- проговорил мужичок с трубочкой. Он закурил от уголька и, сплюнув в огонь, утер рот рукой, в которой держал трубку.-- Бывало, за лето человек десять в волость сволокут. Собаки какие были,-- по проволоке бегали. А он себе выйдет, прогуляется с папироской и опять пошел газету читать. Спокойно жили.

-- Потому священно и неприкосновенно...-- проговорил молодой малый, сидевший босиком на обрубке и чинивший рубаху.

-- Теперь эту неприкосновенность-то здорово тряхнули.

-- Да... вредная штука. Ведь вот, братец ты мой,-- сказал мужичок с ложкой,-- пока у человека ничего нету, он тебе все понимает, к чужому горю отзывчив, из-за копейки не трясется. А как сюда попало, так кончено дело.

-- Это верно. У кого два гроша в кармане, тот не задумается половину отдать. А у кого две тысячи, тот скорей удавится, чем тебе десятую долю отдаст. Намедни кум просит рублевку, а у меня у самого две. Что ж, дал... А попроси у богатого...

-- Да, штука вредная, это что и говорить. И до чего человека она портит... пока бедный -- хорош, а как собственностью обзавелся, набил карман -- он хуже собаки.

-- Верно, верно.

Все помолчали.

-- А яблочек-то порядочно...-- сказал прохожий, поведив глазами по деревьям.

-- Яблоки есть...

-- Мужики-то вас не обижают? Не трясут?

-- Нет, малость... у него не обтрясешь,-- отвечал мужик с трубкой, кивнув на малого, чинившего рубаху.

-- Ядовит, значит? -- спросил прохожий, улыбнувшись и подмигнув на малого.

-- Ядовит не ядовит, а за свое кишки выпущу,-- сказал малый, кончив рубаху и встряхивая ее.

Он встал от костра, потянулся, но вдруг, не докончив движения, быстро присел и посмотрел под яблони в сторону забора. Потом, не говоря ни слова, бросился в шалаш, выхватил оттуда ружье и понесся босиком куда-то по траве, пригибаясь под ветки.

-- Ай-яй-яй! Держи!

Затем раздался выстрел и испуганный крик бабы на деревне:

-- Чтобы вам подохнуть, сволочи! В малого из ружья стреляют! А! Что ж это делается!

-- Ух, и лют! -- сказал, улыбнувшись и покачав головой, мужичок, варивший кашу.-- Ну, что, попал? -- спросил он, когда малый вернулся и повесил ружье в шалаше на сучок.

-- На бегу стрелял,-- ответил тот мрачно,-- выше взяло.

После тревоги разговор возобновился.